

С самого начала он держался подальше от любви, потому что в детстве видел, как человек, шаг за шагом приближавшийся к краху и в итоге покончивший с собой, был жертвой любовных страданий.

Любовь казалась ему чем-то ужасающим, поэтому всякий раз, когда кто-то признавался ему в чувствах, он отказывал.

Слова «любовь» он наглухо запер в самом тёмном уголке своего сердца, считая, что никогда больше не откроет этот ящик и даже не хочет этого делать.

Он уже наклеил на этот ящик печать, надеясь, что он никогда не увидит свет.

Что касается дружбы, то почти всегда это были люди, которые сами к нему подходили. Для него это не имело особого значения, главное — соблюдать дистанцию.

Потом они по разным причинам несколько раз встречались, и, почувствовав, что друг другу симпатичны, неожиданно становились друзьями.

Теперь, если бы Гуань Яна попросили вспомнить, как они стали друзьями, он бы не смог дать внятного ответа.

Так что специально прикладывать усилия, чтобы заводить друзей, он никогда не стремился.

Особенно с такими, как Чэнь Циньцин, с которым вообще непонятно, как подступиться.

Гуань Ян чувствовал, что ради дружбы с Чэнь Циньцином он действительно выложился по полной.

Гуань Ян взглянул на точку над головой Чэнь Циньцина и написал:

— Неужели ты не очарован моей красотой?

Чэнь Циньцин: «...»

Чэнь Циньцин молча отвел взгляд, делая вид, что не заметил записки, переданной Гуань Яном, и продолжил решать задачи.

Гуань Ян снова прибег к старому трюку, добавив внизу варианты ответа, надеясь таким образом заставить Чэнь Циньцина ответить ему.

Передавая листок, он ткнул Чэнь Циньцина в руку кончиком ручки, чтобы напомнить о новом сообщении.

На этот раз Чэнь Циньцин даже не взглянул, продолжая решать задачи.

Ведь ему даже не нужно было смотреть, чтобы догадаться, что Гуань Ян снова написал на листке.

Поэтому Чэнь Циньцин считал, что лучше решать задачи, чем отвечать на такие бессмысленные вопросы.

Даже самая простая задача была куда более содержательной, чем то, что было написано на листке.

Однако мнение Гуань Яна было диаметрально противоположным. Он считал, что вопрос на листке был крайне важен.

Такой привлекательный человек, как он, просто не мог не очаровать Чэнь Циньцина.

Точка над головой Чэнь Циньцина была тому доказательством! Просто он хотел, чтобы Чэнь Циньцин сам это признал.

Мелкие движения Гуань Яна привлекли внимание учителя на кафедре. Пока ученики решали задачи, он подошёл к Гуань Яну.

Увидев учителя, Гуань Ян спрятал листок под учебник.

Но учитель, который специально спустился с кафедры, не мог этого не заметить.

Он подошёл к Гуань Яну, постучал пальцем по столу и протянул руку.

Намерение было очевидным.

Гуань Ян хотел сделать вид, что не понимает, но учитель не уходил, и ему пришлось отдать листок.

Учитель, который хотел просто забрать записку и вернуться на кафедру, увидев содержимое листка, рассмеялся.

Он не спешил уходить, а положил листок перед Гуань Яном и велел ему встать и прочитать вслух перед всем классом:

— Что там написано, прочитай.

Гуань Ян, не ожидавший такого требования, смутился и тут же пообещал:

— Учитель, я виноват, больше так не буду.

Слова Гуань Яна не тронули учителя.

— Что? Стесняешься? А когда писал, не стеснялся?

Гуань Ян промолчал, смиренно принимая выговор.

Но даже его искреннее признание ошибки не смягчило учителя, и тот уже строже приказал:

— Быстрее читай, чтобы я мог продолжить урок.

Гуань Ян понял, что от него не отстанут, и, опустив взгляд на листок, снова покраснел, не в силах произнести ни слова.

— Быстрее!

Гуань Ян, отбросив все притязания на достоинство, прочитал первую строчку.

Как только он закончил, в классе воцарилась гробовая тишина, будто все были настолько шокированы, что не могли поверить, будто Гуань Ян способен на такие записки.

— А дальше?

Гуань Ян: «...»

Гуань Ян снова, следуя тексту на листке, тихо прочитал оставшуюся часть.

— Громче.

Гуань Ян закрыл глаза и громко выкрикнул:

— Неужели ты не очарован мной?!

Класс снова погрузился в странную тишину, а затем, словно кто-то щёлкнул выключателем, раздался дружный хохот.

Кто-то даже начал подбадривать:

— Очарован!

Эти слова долетели до ушей Гуань Яна, и он почувствовал, что лицо его горит от стыда.

Не только одноклассники продолжали смеяться, но даже сидящий рядом Чэнь Циньцин тихо рассмеялся.

Гуань Ян взглянул на Чэнь Циньцина.

Он почувствовал, что это был самый позорный день за все его школьные годы.

Раньше его тоже вызывали перед всем классом, но никогда ещё это не было так унижительно!

Учитель велел классу прекратить смеяться, затем снова отчитал Гуань Яна, и тот, естественно, молчал, смиренно принимая наставления. Учитель наконец отпустил его и вернулся на кафедру, чтобы продолжить разбор задач.

Гуань Ян наконец смог сесть на своё место и, наклонившись к Чэнь Циньцину, тихо спросил:

— Ты ещё смеёшься?

Чэнь Циньцин кивнул:

— Да.

Гуань Ян: «...»

Гуань Ян заметил, что сидящий перед ним Гао Фань обернулся и смотрел на них с каким-то странным выражением.

Гуань Ян не мог понять, что означал этот взгляд, но прежде чем он успел спросить, Гао Фань уже отвернулся.

Гуань Ян почувствовал досаду и решил разрядиться, решая задачи.

Таким образом, за время урока он решил два комплекта заданий, и настроение его немного улучшилось.

Однако последствия той записки на уроке не исчезли так быстро.

Поскольку Гуань Ян каждый день находился в классе и был лучшим в классе, к нему часто обращались за помощью с заданиями и тестами, и отношения с одноклассниками стали ближе.

Поэтому, когда Гуань Ян устроил такой неожиданный конфуз, они не упустили возможности подшутить над ним.

Многие специально подходили к Гуань Яну, хлопали его по плечу и, будучи парнями, говорили с преувеличенной жеманностью:

— Брат Ян, я глубоко очарован тобой, что мне делать?

Гуань Ян почувствовал, что две задачи, которые он решил на уроке, были напрасны, и прежнее чувство досады вернулось.

Гуань Ян просто отмахнулся от них, и они с громким смехом отошли от его места.

Гуань Ян понял, что больше не может оставаться в классе, и, не раздумывая, предложил Чэнь Циньцину пойти с ним поиграть в мяч.

Чэнь Циньцин, который как раз решал задачи, не ожидал такого предложения, но, поскольку он уже долго сидел, решил размяться и согласился на приглашение Гуань Яна. Они вместе вышли из класса.

Гао Фань смотрел на уходящие фигуры Чэнь Циньцина и Гуань Яна с ещё более странным выражением, будто обнаружил что-то невероятное.

Хотя весь класс посчитал записку Гуань Яна к Чэнь Циньцину шуткой, Гао Фань думал иначе.

Потому что он считал, что слова Гуань Яна были несколько двусмысленными.

Сопоставив это с собственной ситуацией, Гао Фань увидел в жестах Гуань Яна к Чэнь Циньцину нечто большее.

Поэтому он всё больше убеждался в своих догадках.

Гао Фань почувствовал облегчение, ведь он был не один.

Неудивительно, что он посмотрел на сидящего за учебником Шэнь Ижана и вдруг почувствовал, что не всё потеряно. Может быть, у него получится?

Взгляд Гао Фаня стал решительным.

Вечером Чэнь Циньцин получил сообщение от Гао Фаня.

Он сообщил Чэнь Циньцину, что скоро день рождения Шэнь Ижана, и он хотел бы собрать нескольких друзей, чтобы отпраздновать.

Чэнь Циньцин, конечно, не возражал и согласился, но дружески посоветовал Гао Фаню сначала уточнить у Шэнь Ижана, будет ли у него время.

Гао Фань пообещал спросить и особо попросил Чэнь Циньцина сохранить всё в тайне, чтобы Шэнь Ижань ничего не знал.

Чэнь Циньцин, конечно, не собирался рассказывать об этом Шэнь Ижаню, а что касается

планов Гао Фаня — это уже его дело.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16138/1444946>